

В.М. Мордвинцев, Караганда

МИХАИЛ МОРДВИНЦЕВ: «БҮРҒЛОМ» И «ВРЕМЯ ЖИЗНИ, КАКОЙ ОНА БЫЛА»

«Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий и чрез то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь об них и о том, как они жили, и что с ними в жизни их случалось и происходило, хотя некоторое, небольшое сведение и понятие».

Андрей Болотов

Собрание материалов, мыслей современников, личностей ценны как подспорье хода времени, жизнеощущения и быта эпохи. Дневники, записки, мысли, мемуары простых людей дают возможность охватить все жизненное богатство исторического пути.

Мемуары - ценнейший источник передачи мотивов, которые затем время притупляет и боль не ощущается. Мемуары не история, - это личные воспоминания, не больше. Автор не ставит целью изучить, а пишет то что помнит, мемуары это плод памяти. Я видел, я помню живых людей и пусть это не история, и не публицистика или беллетристика, пусть это беспорядочная череда случайных событий, мемуарист ничего не обещает, не стеснен никаким стилем, нарушает все принципы писательства, не пользуется правилами, рамками, формами литературного произведения пусть, ценность не в том, мемуарист будит безмолвие и спокойствие времени жизни. Чем просвещеннее, умнее и наблюдательнее мемуарист, тем дальше он уходит за пределы узколичных интересов. Мемуаристы никогда не дают фотографически точного портрета человека, но тоже строят характер, основываясь прежде всего на своем понимании той или иной личности. Это стих А.А. Ахматовой запечатлел, что «когда человек умирает, изменяются его портреты».

Время в мемуарах - это не только последовательный ход событий, но и ключ к их историческому прочтению. Образ эпохи «кровавого столетия», ее атмосфера, ее исторический, нравственный облик, лица людей, оставивших в ней свой след, - все это выплывает к нам из небытия, когда мы читаем мемуары, не претендующие на литературные произведения, но дающие нам ощутить неповторимое своеобразие того времени. Мемуарист знакомит нас не с историей в целом, не с ее катаклизмами, обусловленными сложнейшими причинно-следственными связями и сцеплениями, они рассказывают о «частной» порой почти домашней истории, - той которая совершалась у них на глазах, была по-своему понята и оценена ими. История написанная мемуаристами, нужна через внутренний мир человека, через его душу, - это след жизни. Многие считают, что истина не привлекательна, отчасти поэтому прошлое как истину, приукрашивают, сглаживая

острые углы, обходя молчанием отдельные факты, Намеренно искажая смысл того или иного события. Вымысел обрастает такими убедительными подробностями, что походит на правду больше, чем иной реальный факт.

Легенда, вымысел и обман трудно отделить, чтобы знать о настоящем, должно иметь сведение о прошедшем, читайте мемуары, для души.

- Мемуары неравноценны по общественно-исторической и литературной значимости, но они интересны, как свидетельства очевидцев о событиях и людях эпохи. Познавательное значение мемуаров тем выше, чем ближе они к исторической правде.

- Повести Михаила Алексеевича Мордвинцева «Бурелом» и «Время жизни, какой она была» о «выселенцах», о рождении Шахтерской Караганды написаны как семейная хроника. Талант автора не ограничен воспоминаниями о нелегких днях сталинского переселения народов, он был одним из первых поэтов нашего края, - «Певец весны», посвятивший свой дар пробуждению любви к просторам Казахстана, его людям.

- Повести и стихи разных лет принес в редакцию сын Мордвинцева Михаил Алексеевич Василий, эти записи необычны по своему содержанию. Горечью и болью пронизаны страницы, они раскрывают всю глубину народной трагедии и насильственной коллективизации.

В 1978 году закончил земной путь бывшего фронтовика, старшины ВОВ, дошедшего до Берлина.

Полюбив Караганду с юношеских лет, он остался верен шахтерскому краю до конца дней своих.

Главный бухгалтер шахты 20 «бис» в свои 25 с лишним лет, до войны, а позже шахты 50-52, построенной пленными японцами, шахты 107 и Шахтинского ДСК, много сил приложил для процветания нашего края, и никому не было известно, что он оставил нигде неопубликованное наследие - около 200 стихов о родном крае и мемуары о переселенцах 30-х гг.

Правда, рассказанная, лечит, если ее знают люди. Читайте «Бурелом» и «Время жизни, какой она была» - это наше прошлое, его забывать нельзя.

Занесла нелегкая Михаила Алексеевича Мордвинцева в Казахстан, аж из Сталинградской области в 1930 году. Не по своей воле, с нехитрым скарбом и семейством приехал он в Караганду 15 летним подростком - сталинское переселение затронуло в 30-40-е годы многие миллионы «хозяев» Великой и Необъятной .

Ехали за тридевять земель, не зная, что их ждет, не понимая, за что так безжалостно наказаны.

Выдюжили, пустили корни, да так с тех пор и многие десятилетия живут на гостеприимной Казахской земле, - русские, украинцы, немцы, калмыки, чеченцы, представители десятков других наций и народностей.

На правом берегу реки Медведицы, в трех верстах вниз по течению от станицы Сергиевской и четырех вверх станицы Раздорской раскинулся в прибрежных песках хутор Орлов. Хуторок состоял, как бы из двух объеди-

няющих его частей: песочной возвышенной и луговой низины. Песочная сторона хутора большей его частью заселена, имела деревянную церковь, незадолго до революции простроенную в конце улицы Большой, - вместо сгоревшей, располагавшийся с противоположной стороны улицы, когда-то упиравшейся в крутой берег реки Медведицы.

В начале XX века строптивные быстротечные воды смыли эту часть земли вместе с прилегающими домами и старого кладбища. Жители песочной стороны перекочевали в Луговую часть хутора и там селились кто как мог, облюбовывали лучшие места. А в вешние разливы вод луговая сторона затоплялась полыми водами, и новоселы временно вынуждены были переезжать к родственникам в песочную сторону, или у себя во дворе хозяйствами, разъезжая на лодках, пока не покидала их двory вода. Это несчастье в последствии оборачивалось для луговчан избытком урожая садов, огородов и луговых пастбищ и сенокоса. Постоянные северо-восточные ветры бешено наступали на возвышенную часть хутора, перемещая сыпучие белые пески. И вот в XIX веке силами казаков, населяющих хутор Орлов, была посеяна защитная верстовая полоса из хвороста краснотала, и это впоследствии помогло: пески остановились, не достигнув предместий хутора. В последующие годы XIX века расчетливый мужик по фамилии Яков Дорохов приехал из Самарской губернии с сыновьями Тимофеем Григорием и дочерью Натальей, начал у границы песков обстраиваться.

В скором времени, вдаль от хутора, у подножия посадок краснотала выстроил 3-х комнатный дом, под железной крышей с верандой, хозяйственными постройками и летней кухней. Выкопал во дворе колодец и поселился на жилье. Казаки-хуторяне не знали «что задумал делать «хохол», а потому толковали каждый на свой лад.

Как-то в глубокую осень, к хутору Орлову потянулись обозы, везли разобранную по частям, будущую ветряную мельницу. Застреливали к подъезду стройки в песках и тогда перепрягали быков в три-четыре пары в один фургон и продвигались к месту складов. Хозяину будущей мельницы не надо было задумываться о найме специалистов на монтаж мельницы, они сами шли охотно, да и плата была сходная, и время не рабочее. Полевые работы закончены, а потому и хотелось многим подработать на стороне, никуда не уезжая.

Работа шла бурно. Уже смонтированы четыре кованых каменных жернова, а к масленице закрутились, завертелись четыре мощных крыла мельницы. Мельница как-то вписалась в красоту хутора Орлова. Постоянные ветры полностью обеспечивали помол зерна хуторян, шел помол на собственной мельнице Дороховых. Не большие гарцы (зерном вместо денег) или на льготных планетах помол зерна завоевал интерес и других хуторов и станицу. Так появилась первая чудо-мельница в хуторе Орлове. Слава хутора росла, а когда семья Дороховых на границе краснотала к западу построила вторую ветряную мельницу орловцы торжествовали победу над меркнувшей славой станицы Сергиевской и в одно воскресное утро, после обедни и проповеди священника на площади у церкви на сходе

казаки заявили хуторскому атаману, чтобы он послал прошение о переименовании хутора Орлова в станицу Орловскую. Но как читатель узнает из последующих глав повествования, этому замыслу не суждено было осуществиться.

В 1914 году была объявлена война с Германией. Автор воспоминаний Мордвинцев Михаил Алексеевич родился в начале осени 17 сентября 1914 года и был рожден в телеге, запряженный парой быков и следовавших в хутор Орлов вместе с матерью Дарьей Митрофановной, а правил быками не кто иной, а отец Алексей Петрович. Такие случаи имели место - на свет божий существа появлялись в полевых станах, в любых условиях без докторов и бабок повитух. Таковы были условия тех далеких времен. Мое появление на свет, как существа человека не особо кого-то радовало, а на оборот огорчало. Отец Алексей Петрович, в мирное время был приписан к Атаманскому полку Войска Донского и был призван на защиту Царя и Отечества. А вслед за ним уехали на фронт и его братья Иван Петрович и Алексей Петрович младший. В дедовском доме Петра Матвеевича остались бабы, наши матери, дед, бабушка Екатерина, прабабка Саломонида и нас по кучке детворы от каждой снохи, а их было трое.

Дарья Митрофановна и нас четверо детей: сестра Марфа, брат Петр, сестра Мария и я Михаил. У дяди Ивана Петровича и тетки Анастасии было двое детей. Это приемная сестра Мотя и брат Владимир. У младшего дяди Алексея Петровича и тетки Матрены было трое детей, брат - Петр, сестра Раиса и Мария. Всей этой кучкой едоков управлял дед Петр Матвеевич. Шли дни и месяцы, и вот как-то отец Алексей Петрович вырвался на побывку в хутор Орлов, мне шел седьмой месяц со дня рождения. Отцу истекал срок отпуска, надо было возвращаться в полк, который уже побывал в боях, а теперь находился на переформировании под Новочеркасском. Провожать его выехали в станицу Михайловскую, там и запечатлел нас фотограф на память всей семьей отца, во главе с дедом и бабушкой. Это было 12 апреля 1915 года. Я заснят на руках матери и выглядел довольно-таки шустрым мальчуганом, каким не помню себя в годы детских лет. В первом ряду сидит отец в солдатской форме старой армии, брат Петр, дед Петр Матвеевич, двоюродный брат Дорохов Александр, бабушка Екатерина и сестра Марфа с длинной русой косой и полуоткрытым ртом. Во втором ряду стоят тетка Мордвинцева-Дорохова Анна Петровна, мать со мной и две дальние родственницы.

И снова годы войны и потрясений. Проиграна была война с Германией. Царь отказался от престола. Временное правительство Керенского не существовало и года, была свергнуто новой властью большевиков и Советов. Шла братоубийственная внутренняя борьба не на жизнь, а на смерть. Шли войной брат против родного брата, отец шел против своих сыновей и наоборот.

Край донских казаков ожесточенно защищался, но и сынам Тихого Дона пришлось бросать свои куреня и хаты и идти в отступление. Многие подались в красные части, добровольцами. Войска старой армии таяли и

были распущены по домам, чего и хотелось многим, кто хлебнул полную чашу войны. Но и дома нельзя было усидеть без страха и как прежде пахать и сеять хлеб. С помощью Антанты дом был очищен от красных. Войсками казаков командовали генералы бывшей царской армии Корнилов, Краснов, Камдин и другие, но не долго. Удержать старую власть на Дону им не удалось. Беднота и батрачество примкнуло бесповоротно к красным. Середняки и население побогаче не изъявляло желания воевать, а приняло выжидательную политику, т.е. чье возьмет, и сидели взаперти дома и потихоньку занимались по хозяйству.

Случалось так, что наш хутор Орлов, был взят красными и большевики несколько дней были его хозяевами, они начали с того, что реквизировали зерно, забирали и просто грабили разное имущество и домовое барахло, расстреливали тех мужчин, которые сопротивлялись, прятались, их находили, а вечерами до поздней ночи пили и насиловали баб. Хуторяне были возмущены. У многих семей мужья и сыны прятались в заречных лесах и заводях, имея ночные связи с семьями они в курсе были всех событий. Что происходит в их куренях. Сколотив небольшой отряд добровольцев, внезапным наскоком они выбивали из хутора гостей. Многих расстреливали и вешали. Это злом отражалось и по другим правобережным хуторам, где власть переходила из рук в руки. Но не легче стало от этих мер хутору Орлову. Через несколько дней прибыло подкрепление к красным. Хутор Орлов был взят ими с ходу, его объявили повстанческим и обрekli пожару.

Мой дед Петр Матвеевич был схвачен и уведен на расстрел, а все мы остальные были в погребе, куда пули не достигали цели, и сидели там до темной, в то время, когда бабы бесперебойно возили из речки воду и спасали дом от вспышек пожара. И вот, когда тележку с водой мать моя подкатила к дому, с противоположного конца улицы в нее был сделан выстрел, пуля задела ручку тележки и, теряя силу, впиалась в доску ограды огорода. Мать отделалась испугом.

Наступала ночь. Про деда Петра Матвеевича не было слуха, где он и что с ним? И вот скрипнула дверь калитки и еле переступая с ноги на ногу вошел во двор самый старый, осунувшийся лицом хозяин дома, постаревший до неузнаваемости лицом и белой седой головой. Он с минуту оглядел всех, как сирот, опустился на колени перед образами и заплакал, как малое дитя. Перед расстрелом деда спросили: «Какую последнюю волю ты желаешь исполнить?» - рассказывал дед. - «Вины моей перед вами никакой нет, а если пришла смерть моя, разрешите мне помолиться богу троекратным поклоном перед этой церковью». «Исполни, дед, да побыстрей» - ответил видно их командир. Исполнив божье веление я повернулся лицом к тем кто должен был меня расстрелять. Тоже лицо сказал, - а теперь, дед, шагай по улице по направлению своего дома, да не вздумай бежать - повесим. И вот я дома, с вами. Всхлипам и причитаниям не было конца, но дед сказал, хватит оплакивать живого человека, это еще не последние события.

Антанта подогрела страсти братоубийств и погромов. Войска красных, отправившись, снова вторгались в степные просторы Дона и его окраин, реки Хайра и Медведицы. Атаманы донских войск, отступая на юг края, бросили клич: всем, кто хочет спастись от расправы красной чумы, должны двигаться за Дон, где тянувшиеся обоза, ручные тележки сопровождали охранные части белой гвардии. Помня до смерти урок расстрела, дед Петр Матвеевич сказал бабушке Екатерине, что оставаться дома ему нельзя, т.к. как красные с ним покончат, хотя бы за то, что он был одним из активных участников сбора средств на строительство церкви в Орлове, и его сыны были на стороне царя до 1918 года. И собрался в отступление за Дон, не надеясь на покровительство зятя Дорохова Григория Яковлевича, моего крестного отца, которого дед спасал еще в 1905-1906 гг. от ссылки в Сибирь, за участие в марксистских кружках и революционных событиях 1905 г., в которых он был замешан по событиям в Орлове. Узнав, что наш дедушка покидает семью, завывали наши матери, всхлипывала бабушка...

Наконец придя в себя, благословила с иконой деда, и сказала: «Вижу тебя, мой сынок, и кормилец последний раз» - снова залилась горячими слезами. Пара быков стояла у крыльца, упряженные в фургончик на железном ходу, уложена необходимая утварь, продукты. Дед усадил сзади себя внучку Мотю, дочь старшего сына Ивана, и поехал в отступление в чужую сторонку искать спасение, а нашел смерть, как и пророчила бабка.

Я долго не мог успокоиться, плакал и приговаривал, почему дед взял Мотью, а не меня. Я тоже большой и мог бы погонять быков. Но моих огорчений никто не слушал. Деда проводили за хутор, еще раз простились. Придя домой повечеряли, что осталось от обеда и улеглись спать. Прабабушка Саломонида каждый день ждала вестей от деда, да и все мы хотели знать, где он с внучкой и что с ними. От долгого ожидания и удручающей тоски бабушка слегла в постель, и ничего не ела кроме чая, а от деда не поступало никаких вестей, как будто он канул в преисподнюю. Как-то в один из воскресных дней осеннего праздника сидели мы все за столом, завтракали, не было меж нами главы семьи и наших отцов, которые продолжали воевать. День был тихий и солнечный. Во дворе вышагивал петух. Вдруг он взлетел на изгородь палисадника и закукарекал. Бабушка перекрестилась на образа, сказала: «Это он извещает о какой-то новости, дай бог, чтобы она была хорошая». В это время по улице шла и ехала толпа бородатых мужиков, вездесущих мальчишек и слышались плачь и радость встреч родных и знакомых. Беглецы возвращались из отступления. Скрипнула дверь и неведомо откуда на пороге избы появилась вернувшаяся из ада отступления одна единственная сестренка Мотя, осунувшееся в лице, оборванная и грязная.

Все удивленно смотрели на нее, боясь развязать языки. Мотя села на лавку и заплакала. Мы, детвора, еще толком не понимали значимости случившегося горя, сидели за столом и одурело глядели на сестренку, ожидая от нее гостинцев с дальнего края от деда, угощения, которым нас всегда оделял он в былые времена, возвращаясь с ярмарки, а сегодня он гостинцев не прислал.

Первая заговорила бабушка: «Ну что ж, ты Мотя, хватит плакать, раз-девайся, иди умойся и расскажи все, что с вами произошло, где же остался дедушка?».

Дедушка, как мы выехали, все глядел в сторону хутора, а потом как влились в двигающие подводы, в море уходящих куда-то людей, где не было возможности не пробиться на телеге, не пешему, как мы стояли днями ночуя под открытым небом. Дедушка стал прихварывать, жалуясь на головные боли, и совсем слег. Фельдшер сказал - дед заболел тифом. Дедушка умер ночью в телеге в чужом краю, не ведая где: Похоронили его там же, у дороги, без гроба, завернули в зипун и закопали, от тифа умира-ло много людей и всех так и хоронили. А когда я вернулась где мы стояли, то быков не нашла и спросить было не у кого. Быков украли цыгане вместе с телегой. Я долго их разыскивала, но не нашла. Позвали меня хуторцы, возвращавшиеся домой в хутор, с ними я и добралась. Такова была смерть деда Петра Матвеевича, и его мать Соломонида не плакала, или не смогла, она на утро третьих суток умерла, тихо призывая сына проститься с ней. Прабабку хоронили со священником на орловском хуторе. Двух стариков в большой семье не стало и жизнь нарушилась, как руши-лась и распалась на мелкие куски льдина при напоре талой воды. В горни-це, где проводил ночи Петр Матвеевич на стене еще висел кнут о двух хвостах и хотя дед им никогда не пользовался, тем не менее на нас он действовал магически, достаточно было сказать бабушке: идет дед-двехвостка, походить по вашим задам, вы будете знать как балагурить и нас слушаться. И мы быстро усмирились, как мыши в подполе.

У трех сынов в одной доме существовал установленный дедом поряд-ок. Одна сноха неделю доит коров и распоряжается по началу молоком, вторая стоит у печи готовя пропитание на день подавая на стол и убирая посуду, а третья сноха занималась уборкой: мыла полы, грела воду, уби-рала кладовки, доставала из погреба капусту и огурцы. По истечении не-дели роли менялись. Но деда не стало, и прежний порядок в семье нару-шился. Между наших матерей, стало вспыхивать ссоры, иногда они дохо-дили до крутых скандалов и потасовок, а мы дети дрались, и младшим доставалось на орехи от старших. Мы жаловались матери, а те ссорились через наши проделки. Иногда мы снова уже играли вместе, а мамы еще не успокаивались и ссоры длились допоздна. К тому же наши отцы еще не вернулись домой, и усмирить их было некому. Мне сравнялось 5 лет, и я считал себя взрослым. Летом 1920 года Красная армия окончательно раз-била белых, и они разгромленные части иммигрировали, а остальные ук-рались в лесах и степях, организуя отдельные отряды под разными зна-менами «Спасение Дона от большевизма», а на деле организуя банды, проводили внезапные набеги, грабили...

К исходу лета приехал тяжело раненный отец. У него был какой-то документ, позволявший ему вернуться домой. В этот же период к осени была объявлена амнистия, гласная всем казакам вернуться домой и приступить к мирному труду. И потянулись патриоты и защитники царя

отечества из укрытий, где они долго выжидали желанного часа, голодные, раздетые и вшивые, но живые и на все испытания готовые, преданные раньше старой присяге, а теперь изменяли ей. Но не в этот год закончилась война на Дону. Она долго продолжалась, и разгромленные шайки недобитых банд еще гуляли по Дону и его округам, наводя ужасы в хуторах, убивая и вешая не укрывшихся руководителей новой власти. Такая участь выпала и на моего крестного дядю Дорохова Григория Яковлевича. О делах которого я расскажу в следующих главах. В один из жарких подосенних дней с гиком промчались всадники по улице, появившись неведомо откуда. Они заняли хутор, поставили часовых на берегах и запретили кому-либо из хутора отлучаться от домов. За выход на улицу - расстрел. К нам во двор въехала в тройку впряженная тачанка, с пулеметом, двумя солдатами во главе командира, я с матерью был в летней кухне. А сестра Марфа рубила во дворе дровишки. Командир обратился к матери задал вопрос, кто из мужчин дома, и за кого воюют остальные. Мать перепугалась и не знала, что ответить, сказала, что отец в доме лежит больной, а его братья не знает где, и за кого воюют тоже не знает.

«А я сейчас зайду в дом к твоему мужу и допрошу его, за кого он воевал, и за кого продолжают проливать кровь его братья» - сказал командир. Я как ошпаренный выбежал из кухни, вбежал в сарай, спустился в темный колодец погребца и неудержимо заплакал от страха за отца и мать, что этот чужой дядя расстреляет их. Идти к ним не решался. Наблюдая за происходящим, командир подошел к тачанке, извлек из ящика мешок с гусаксом, наступил каблуком сапога ему на голову, оторвал ее и бросил бьющуюся тушу гуся матери: «Вари лапшу, а ты дочка достань-ка в огороде перца позеленее для лапши».

Будет тебе на юбку гарус, Марфа побежала в огород, а меня усатый солдат извлекал из погреба, уговаривая, что нас детей и всю семью никто не обидит, и угостил меня, достав из сумки белый сухарь. Доверие было восстановлено, а к вечеру отряд покинул хутор Орлов. Подобные визиты красных и белых были часты, в те годы и хутор Орлов только и делал, что одних провожал, других успевал встречать. Пребывание каждого нашествия было не долгим, так как одни убегали, другие гнались за ними, а третьи шайки выжидали, прячась где-то в лесах, и при удобном случае наскоком врвались в хутор и вновь скрывались или попадались в ловушку красных и погибали от пуль противника.

Как бы то не было, а мирная жизнь входила в колею, и всем набегам подходил конец. Поселение казачьих хуторов потеряла веру в летучих спасателей царя и отечества, и не оказывало им белым бандам доверия, а грабить было уже нечего и опасно за мщение самих, раздетых и полуголых жителей верхних хуторов Тихого Дона. Шел суховеями и бурями 1921 голодный год, собравшийся в одно гнездо братья Мордвинцевы Алексей старший, Иван и Алексей младший решили разделить и начать жизнь самостоятельно каждый своим умом-разумом.

При разделе уцелевшего имущества скота и строений участвовала бабушка Екатерина и наши дяди и отец. Матерей наших к разделу не допустили, несмотря на резкий протест жены Алексея младшего Матрены, которая славилась в семье своим сварливым характером, задирой и дурковатостью в суждениях и поведении, короче говоря, она далека была умом от снох Дарьи и Анастасии. Эти две женщины имели более уживчивый характер и деловиты в семье. Матрена, наоборот, от больших дел старалась куда-то увернуть. Была крупна в бедрах и груди, не боялась смиренного мужа, вступала с мальчишками в ссоры, нарекала их оскорбительными прозвищами, кличками, за что ее все не любили. Она то и была гвоздем всех ссор в семье после смерти деда, а при его жизни умел он ставить ее на место, и она вела себя как надо, а после смерти деда вошла во вкус семейных ссор. Это и послужило поводом к распаду совместной жизни большой семьи Мордвинцевых.

Однажды я проснулся от рева скота, выглянул в окно во двор и впервые увидел крупных, с большими рогами четырех быков и двух коров, в стороне у плетня. «Чьи это быки и коровы?» - спросил я. «Пока наши, общие». «А где они были, что их не съели на войне?». «А были они отогнаны в левобережье к знакомым хуторянам, где выпасались и сберегались в местах, куда войска не доходили из-за боязни местной охраны, которая была вооружена и давала отпор всем со стороны». Так при малой потери деду удалось спасти часть скота для семей наших отцов. Раздел прошел мирно, без вмешательства понятых. Моему отцу достался двухкомнатный дом от правого берега реки Медведицы. Где прежде жила тетя Анна Петровна, выйдя замуж за Дорохова Григория Яковлевича, этот дом был ее приданным. После смерти родителей Дороховых они ушли из него, переехав в дом отца, за хутор, к мельницам, а оставленный ими дом пустовал. По брошенному жребию отцу досталась еще пара быков. Бабушке была отписана корова. Она вначале оставалась на житье с младшим сыном Алексеем в большом доме деда, но не ужилась со снохой Марией, пришла жить к нам. Среднему брату отца Ивану Петровичу сообща был куплен дом две комнаты, в луговой стороне Орлова, ему не досталась вторая пара быков, а корова младшему брату Алексею Петровичу, ему же отписаны все строения во дворе, в том числе амбары для хранения зерна.

С этого началась новая самостоятельная жизнь братьев Мордвинцевых. Возвращаясь в лето 20-го года, считаю необходимым упомянуть про разгоревшиеся бои в хуторе и за его пределами. То ли по недоразведке или случайно, встретились на марше два крупных отряда красные и объединившиеся шайки банд Махновцев, Мамонтова, Антонова и Кувшинова. После долгой кровавой перестрелки и артиллерийской пальбы за хутор Орлов красным удалось к ночи оттеснить банду хутора и они обосновались на мельнице, в роще заняли прилегающий к роще дом Дороховых. Вожаки водворились в комнатах дома. Уже шел пир горой. А в хуторе бойцы красных производили повальные обыски, требуя зерно, фураж для лошадей.

Допрашивали нас, пацанов, обещая сладости и награду, если мы укажем где запрятано зерно и овес. К нашему несчастью мы ничего утешительного им сказать не могли, и по нашим детским спинам прогулялись нагайки, вместо конфет и изюма. Наутро ждали известий от Дороховых, хотелось знать, что у них происходит и живы ли они. Но известия не доходили до хутора.

Бабушка и мать решили послать к ним меня. Они спрятали под подкладку в кепку записку, так что я этой манипуляции не знал. «Ты маленький», - сказали они. - Тебя никто не тронет, так ты сбегай к Дороховым, найди тетю, и что она тебе скажет, вернешься обратно и расскажешь нам». Путь в дом Дороховых я знал, он проходил через верхние улицы хутора, я дошел до их окраины и пошел песками до старой мельницы, а за мельницей окруженную рощей одиноко стоял их дом. Туда я и шел, как вдруг над головой я увидел три блестящих на солнце снаряда и еще не знал, что это за голуби, я споткнулся о палку и упал носом в песок на дороге. В это мгновение раздался взрыв снаряда, за ним второй и третий, поднялись столбы пыли, неся смертоносные осколки снарядов и картечи, жужжа над головой как шмели и осы в гнезде. Тогда мне и во сне не снилось, что эти летящие голуби были не что иное, как смерть моя. Случайным падением раньше их взрыва я остался жив, и этому случаю я обязан за жизнь на земле.

Я исполнил наказ матери и бабушки, и возвратясь в хутор, когда отряды красных и белых разминулись в дорогах, покинули осаду хутора Орлова и его окраины. Дядя Дорохов Григорий Яковлевич в скором времени, вернувшись в хутор, говорил тете Анне Петровне: «Рано или поздно, а крупные заведения частных хозяйств будут изъяты и переданы в имущественный фонд государства. Так лучше будет теперь добровольно передать мельницу Орловскому совету, а мы с тобой и с сыном Александром уедем в бывшее имение изгнанного помещика Скачкова, где впервые в стране организовался госхоз. Жить будем не хуже». Тетка отказалась покинуть насиженное гнездо и продолжать верховодить мельницей, собирая гроши за помол, через нанятого рабочего мукомола. Дядя уехал в Скачково, куда он был назначен заместителем директора госхоза по политике и снабжению, и редко стал бывать в хуторе, будучи занят делами госхоза, который контролировался Москвой, откуда и шла его организация и снабжение первой необходимостью в продуктах и инвентаре. Никто, конечно, не знал раньше из родных, и не подозревал, что именно он Григорий Яковлевич на протяжении долгих лет до свершения Октябрьской революции с большой осторожностью и умением руководил работой мельницы, сам ее отремонтировал, умел столярничать, отковывал и подгонял каменные жернова.

А как в последствии выяснилось, именно там, внутри мельницы, под гул жерновов и стуки маховиков, и проводились встречи и беседы с членами кружка, читались прокламации, воззвания и запрещенная марксистско-ленинская литература. К нему на мельницу тянулись телеги с зерном для помола из разных хуторов.

Но ветры бывало надолго переставали вращать крылья мельницы, жернова останавливались. Приезжие и местные крестьяне обратно разъезжались по домам, а кому нужно было остаться, они оставались в сторожке мельницы.

Мельница, окруженная рошей краснотела, в центре желтым сыпучим песком, строго хранила тайну существования марксистского кружка. На протяжении почти 15 лет одним из руководителей кружка был мой дядя Дорохов Григорий Яковлевич. Это старомодное крылатое заведение было вне подозрений царской полиции, а когда заглядывавшиеся сыщики бывали, то уходили ни с чем. А теперь, когда свершилась революция, необходимость в мельнице отпала. А дядя в категорической форме отказался иметь ее вопреки горячим возражениям тетки Анны Петровны, которая плохо разбиралась в наступающей реформе новой жизни, эпохе XX века социального преобразования России и других республик. Тетка на свое горе и наказание осталась одна с подростком сыном Александром в доме, и продолжая за собой содержать мельницу. Брат дяди Тимофей Яковлевич и сестра Наталья уехали на жительство в хутор Заполянка, они продали доставшуюся от дедушки старую мельницу и кое-какое имущество и скот. Так еще одна семья родных рассталась.

Наступившее лето 1921 года пророчило голод. Дождей не было с ранней весны. Сенокос был жалким: косили на корма скоту бурьян, поветель, колючий перекати поле, и при ручье скашивали осоку. Вместо пшеницы и проса, уродилась да не всюду черная и горькая руколица. Поля имели серо-печальный вид. С восходом солнца не остывшая за ночь земля нещадно продолжала иссушать ее. И ветры изо дня в день начинали с раннего утра и с вихрями продолжались до захода солнца. В один из таких дней августа я с отцом находился в поле под степным хутором Сулак, там были наши посевы, что в пяти верстах ниже госхоза Скачково ныне госхоз «Труд». Вдали показался всадник, на рысаке он подъехал к отцу, позвал его в сторонку и не сходя с лошади, рисуя что-то тревожное над головой, рассказывая отцу и снова на рысях удалился. Отец заторопился с возвращением в хутор Орлов. Мы двинулись домой пеши, оставив стан на приглядку своему соседу. В дороге я стал приставать к отцу, забегая вперед, чтобы он признался, почему мы так спешим не вовремя домой. Отец взглянул мне в глаза, сказал: «Твоего крестного отца Григория Яковлевича зарубили шашками бандиты, а тело его в гробу везут в Орлов, так что ты не вздумай расплакаться, будем шагать быстро, чтобы опередить их, и успеть предупредить семью о случившемся». Я не плакал, но был так ошеломлен известием, что сжал руки в кулачки и сказал отцу: «Если б эта банда попалась отцу на глаза, по одному, мы бы им головы бы сняли за крестного». «Ты скоро станешь справедливым казаком» - улыбнувшись сказал мне отец. Отец шагал быстро, а я бежал за ним, стараясь не отставать. К обеду достигли мы окраин Башкирского хутора. Я до кровавых мозолей набил себе ноги чириками, снял их и продолжал бежать босым. И все же стал отставать от отца. Подошвы моих ног стали гореть огнями, а

ломота и суставы вынуждали меня падать на землю, видя это, отец давал мне минуту, другую отдыха, и снова мы торопливо шагали. Впереди показались вербы и сады хутора Орлова, а когда дошли до их тени, нас освежила приятная прохлада, а мои босые ноги ощущали холодок, в подошвах ступней и пальцев. Дойдя до дома, я как скошенная трава упал на расстеленный тулуп на полу и беспробудно проспал до утра. Пара лошадей с сопровождающими въехала во двор Дороховых. Цепочка хуторцев тянулась во двор Дороховых, чтобы поглазеть на казенное тело Григория Яковлевича и проводить его в последний путь, а заодно помянуть добрым словом за столом.

Тело Григория Яковлевича нельзя было извлечь из гроба для последнего обмывания, он бесчеловечно был изуродован шашками, от ударов голова его распалась на четыре бесформенные части, удар в правое плечо развалил предплечье до легких, и еще удар саблей в область сердца достиг желудка.

Священник Александр разрешил внос гроба с телом большевика в церковь и отказался в службе по убиенному. Он за большие деньги, после долгих уговоров, бегло отмолил его у ограды церкви, не пошел на кладбище и не пустил певчих, а такая церемония в описываемые времена была обязательной. Хоронили дядю с большим почетом. Кладбище заполнили родные, хуторяне, сослуживцы и представители райцентра. Один из них зачитал соболезнование семье и родным, а второй громко прочитал монолог на память о погибшем товарище. На подступах к кладбищу присутствовала вооруженная охрана. Инцидентов не было.

Трагедия гибели Григория Яковлевича была таковой. Еще весной 1921 года организовалась шайка отпетой банды из местных белоказаков. Они делали ночные набеги на отдаленные от района хутора. А малочисленные отряды красных не могли за ними гоняться и вступить в бой, так как они покрывали за ночь стоверстные маршруты, меняли загнанных лошадей и появлялись в противоположных краях, и слухи об их существовании пропадали. Сын помещика Скачкова будучи одним из главарей шайки, решил навестить бывшее поместье отца, где он птенцом возрастал в достатке. Дорохов Григорий Яковлевич был предупрежден верными людьми о подходе банды к госхозу. Его директор Тимофей Малышев ускакал в бричке с завхозом и кучером за пруды, их настигла банда и изрубила на куски. Кучера оставили в живых, приказали ему с угрозой, тела доставить по месту их жительство. Вернувшись налетом в Скачково, они к своему удивлению застали Дорохова на месте, при исполнении своих обязанностей. «А-а-а! Григорий Яковлевич!» - удивленно воскликнули бандиты, которые в большинстве знали его в лицо. - «Нет казнить его в этот заезд не будем, он проявил героический поступок, знал о нашем подходе и не бросил пост, преданный большевик! Будем возвращаться с похода, и если застанем его здесь - казним». Они весело заготопали, в столовой устроили попойку, куда был приглашен и Дорохов. На этот раз они с ним обошлись по-приятельски.